

Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Лицей № 11»

**"ХОТЕЛОСЬ БЫ ВСЕХ ПОИМЁННО НАЗВАТЬ" (ЧАСТИ 1, 2)
А.Ахматова.**

Часть 1.

Поисковая работа на тему:

"Я ПОЛЮБИЛ СТРАДАНИЕ..." (В.Ф. Войно-Ясенецкий).

АВТОР:

Фень Данил Вадимович
г. Красноярск,
МБОУ «Лицей № 11», 8 класс

РУКОВОДИТЕЛЬ:

Андрианова Лидия Васильевна –
директор МБУК «Музей
Орджоникидзевского района»
руководитель группы "Поиск"

г. Красноярск, 2015 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е	стр.
I. Делать жизнь с кого?	- 3
<u>II. "Я полюбил страдание..." (В.Ф. Войно-Ясенецкий). – 4-21</u>	
1. <i>Жизненные искания. Врач от Бога.</i>	– 4-7
2. <i>Арест и смерть жены. Дорога к Богу.</i>	– 7-9
3. <i>Арест и 1-я ссылка в Красноярский край.</i>	– 9-12
4. <i>Арест и 2-я ссылка в Северный край.</i>	– 12-15
5. <i>Арест и 3-я ссылка в Красноярский край.</i>	– 15-18
6. <i>Заслуженное признание.</i>	– 18-21
III. Не хлебом единым (Ветхий Завет)	- 21-23
БИБЛИОГРАФИЯ	- 24
ПРИЛОЖЕНИЕ	- 25-30

"... В служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера... Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять.

... Если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его".

(Из письма сыну Михаилу)

I. Делать жизнь с кого?

В этом году я заканчиваю неполную среднюю школу-лицей и задумываюсь, как быть дальше. Пойти в 10 класс? Поступить в колледж или техникум и получить среднее образование и плюс овладеть знаниями об основах какой-нибудь профессии? Ну а дальше уже у меня нет сомнения – высшее образование в наше время надо сделать обязательным. В школе я стараюсь учиться по всем предметам хорошо, ведь все предметы дают нужные знания для жизни и будущей профессии. Неучем, да и недоучкой жить в наше время будет очень сложно. Я как-то нашёл в инете интересную информацию об одном высокого ранга политике, который спутал Австралию и Австрию. А некоторые путают Арктику и Антарктиду. Смешно, но советник Обамы Д. Псаки нашла в Ростовской области горы, а в Беларуси - море. Не лучше и украинские политики, утверждающие, что Чёрное море выкопали украинцы. Примеров малограмотности огромное множество на каждом шагу.

Задумываясь о своей будущей профессии, я думаю, чей опыт в этом вопросе мог бы мне пригодиться. У нас в г. Красноярске немало улиц, носящих имена известных и даже выдающихся людей. Многие из них бывали в Красноярске, проживали и внесли свой вклад в его развитие. Может быть, чья-то жизнь поможет мне разобраться в поиске своей жизненной дороги? Думая, о том, "делать жизнь с кого," я вспомнил, что на сайте Красноярского медуниверситета написано, чьё имя он носит – В.Ф. Войно-Ясенецкий.

Кто это? Почему его имя присвоено нашему - одному из лучших в стране - медицинскому учреждению? С этим вопросом я обратился ко многим красноярцам, и получил невнятный ответ: что-то слышали, кто он – не помним, был у нас в ссылке? не знали, а почему? так он был боговерующий, а как тогда он смог стать учёным? ну и далее в том же духе. Есть такой народный афоризм: *врач – не дай Бог, врач – ну с Богом, и врач - от Бога*. Каким же врачом был В.Ф. Войно-Ясенецкий? Каким человеком? Почему – Лука? Кто его знал, не нашёл таких. А написать очень хочется об этом загадочном человеке. Поэтому первое, что я сделал – покопался в Интернете и подробнее познакомился с жизнью человека, чьё имя носит Красноярский государственный Медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого МЗ РФ.

"Эту необычную фамилию я впервые услышал в 70-е годы в институте. Запомнились (и я их даже записал) слова доцента, читавшего лекцию: «Если кто-то из вас пойдет по нелегкой стезе хирурга, и вам удастся найти блестящую и очень редкую книгу «Очерки гнойной хирургии» профессора Войно-Ясенецкого, вы будете одним из счастливейших хирургов на свете: превзойти талант этого врача, бывшего одновременно епископом, до сих пор, мне кажется, никто не смог». Это был талант от Бога. По времени это событие совпало с изучением нами курса «научного» атеизма. Не знаю, как большинство, но я с интересом слушал лекции: для кого-то они были молотом, кующим безбожников, но в то же время для меня это был единственный, пожалуй, официальный источник, где можно было почерпнуть крохи знаний о религии"¹, - вспоминает один из хирургов советского периода.

Он человек известный в медицинской науке, автор 34 научных трудов по хирургии и анестезии. А при чём тогда Архиепископ Лука? Чтобы это понять, нужно познакомиться подробнее с его биографией. Смогу ли я объяснить и понять, как наука и религия могут совмещаться в мировоззрении одного человека? Как это воспринимали люди? И при чём здесь Северный и Красноярский край. Начну, пожалуй, с самых истоков.

II. "Я полюбил страдание..." (В.Ф. Войно-Ясенецкий)².

1. Жизненные искания. Врач от Бога.

Валентин Феликсович родился 27 апреля (9 мая) 1877 г. в Керчи, в семье провизора Феликса Станиславовича Войно-Ясенецкого и Марии Дмитриевны

¹/11

²/8

Войно-Ясенецкой (урождённой Кудриной). Он был четвёртым из пятерых детей. Принадлежал к древнему и знатному, но обедневшему белорусскому дворянскому роду. Дед его держал мельницу в **Сенненском уезде Могилёвской губернии**, жил в курной избе **(чёрной избе, топившейся печью без дымохода, без трубы, с чёрными, прокопчёнными стенами, т.к. дым валил из устья печи и выходил в узкое волоковое оконце или в двери)** и ходил в лаптях. Отец, Феликс Станиславович, получив образование провизора, открыл свою аптеку в Керчи, но владел ею только два года, после чего стал служащим транспортного общества.

В 1889 году семья переехала в Киев, где Валентин окончил гимназию и художественную школу. Феликс Станиславович, убеждённый католик, не навязывал семье своих взглядов. Мать же, Мария Дмитриевна, воспитывавшая детей в православных традициях и активно занимавшаяся благотворительностью помогала арестантам, позднее - раненым Первой мировой войны. По воспоминаниям учёного: "Религиозного воспитания я не получил, если говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я унаследовал её от отца". Добавлю, а от матери – сочувствие простому народу и желание служить обездоленным.

После окончания гимназии Валентин подал документы в Академию Художеств, но, колебавшись, решил выбрать медицину, как более полезную обществу. Пытался поступить в Киевский университет на медицинский факультет, но не прошёл. Получил предложение обучаться на естественном факультете, а он выбрал юридический – не любил биологию и химию. Но через год покинул университет. Брал уроки живописи в частной школе профессора Книрра (Мюнхен). Вернувшись в Киев, рисовал с натуры обывателей. Наблюдая нищету, бедность, болезни и страдания простолюдинов и принял окончательное решение стать врачом, чтобы приносить людям пользу.

Серьёзное увлечение проблемами простого народа привело юного Валентина к толстовству – модному тогда течению в среде молодёжи: он спал на полу, на ковре и ездил за город косить рожь вместе с крестьянами. Подражание великому писателю, графу Льву Николаевичу Толстому, который носил простое рубище, любил ходить босиком, выполнял крестьянскую работу, - это веяние времени, пробуждение сознания широких слоёв общества, связанных с поиском пути развития России. В семье это увлечение восприняли резко негативно, пытались вернуть его к официальному православию. 30 октября 1897 г. Валентин писал Льву Толстому с просьбой повлиять на его семью, а также просил разрешения уехать в Ясную Поляну и жить под его присмотром. Однако после прочтения запрещённой в России книги Толстого «В чём моя вера» разочаровался в толстовстве, но сохранил некоторые его идеи, которые он стремился реализовать всю свою жизнь.

В 1898 году стал студентом медицинского факультета Киевского университета. Учился прекрасно, был старостой группы, особенно преуспевал в изучении анатомии: "Умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии..." После выпускных экзаменов вдруг этот прирожденный ученый объявил, что будет... земским врачом — занятие самое непрестижное, тяжелое и малоперспективное. Товарищи по курсу недоумевали! А владыка Лука потом признается: «Я был обижен тем, что они меня совсем не понимают, ибо я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям»³.

Операциям на глазах⁴ Валентин Феликсович стал учиться сразу после выпускных экзаменов, зная, что в деревне сеё грязью и нищетой свирепствует болезнь-ослепительница - трахома. Приёма в больнице ему казалось недостаточно, и он стал приводить больных к себе домой. Они лежали в комнатах, как в палатах, Валентин Феликсович лечил их, а его мать их кормила. Однажды после операции у него прозрел молодой нищий, потерявший зрение еще в раннем детстве. Месяца через два он собрал

---

³/1

⁴/1

слепых со всей округи, и вся эта длинная вереница пришла к хирургу, ведя друг друга за палки.

В другой раз он прооперировал целую семью, в которой слепыми от рождения были отец, мать и пятеро их детей. Из семи человек после операции шестеро стали зрячими. Прозревший мальчик лет девяти впервые вышел на улицу и увидел мир, представлявшийся ему совсем по-иному. К нему подвели лошадь: «Видишь? Чей конь?» Мальчик смотрел и не мог ответить. Но привычным движением осяпав коня, закричал радостно: «Это наш, наш Мишка!» Вот ради такого и можно стать врачом!

Гениальный хирург обладал невероятной работоспособностью. С приходом Войно-Ясенецкого в больницу Переславля-Залесского число проводимых операций возросло в несколько раз! Спустя время, в 70-х годах врач этой больницы с гордостью докладывал: делаем полторы тысячи операций в год — силами 10-11 хирургов. Внушительно. Если не сравнивать с 1913 годом, когда один Войно-Ясенецкий делал в год тысячу операций...

Он устроился работать в Киевский медицинский госпиталь Красного Креста, в составе которого в 1904 году отправился на Русско-японскую войну. Работал в эвакуационном госпитале в Чите, заведовал хирургическим отделением и получил большую практику, делая крупные операции на костях, суставах и черепе. Многие раны на третий-пятый день покрывались гноем, а на медицинском факультете отсутствовало само понятие гнойной хирургии. И ещё была одна очень большая проблема в хирургии — отсутствие анестезии при операциях.

Ещё в Киевском госпитале Красного Креста Валентин познакомился с сестрой⁵ милосердия Анной Васильевной Ланской, которую называли "святой сестрой" за доброту, кротость и глубокую веру в Бога, к тому же она — красавица и умница — дала обет безбрачия. Её руки просили два врача, но она отказывала. Однако с Валентином в конце 1904 года они обвенчались в Читинской церкви Михаила Архангела, построенной в 1698 году. В ней венчались декабрист Анненков и Полина Гебль, об этом мне приходилось видеть кинофильм "Звезда пленительного счастья". В народе эту церковь окрестили Церковью декабристов. В дальнейшем при работе Анна Васильевна оказывала мужу важную помощь в амбулаторном приёме и в ведении истории болезней. «Она покорила меня не столько своей красотой, сколько исключительной добротой и кротостью характера. Там два врача просили ее руки, но она дала обет девства. Выйдя за меня замуж, она нарушила этот обет. За нарушение его Господь тяжело наказал ее невыносимой, патологической ревностью...», — вспоминал Валентин Александрович.

Около 1910 г. один из излеченных офицеров пригласил молодую семью к себе в Симбирск. После недолгого пребывания там Валентин Феликсович устроился земским врачом в уездный город Ардатов. В крошечной больнице, персонал которой состоял из заведующего и фельдшера, Валентин Феликсович трудился по 14-16 часов в сутки, сочетая врачебную работу с работами в земстве.

В Ардатове молодой хирург столкнулся с опасностями применения наркоза и задумался о возможности применения местной анестезии. Он изучил только что вышедшую книгу немецкого хирурга Генриха Брауна "Местная анестезия, её научное обоснование и практические применения". Плохое качество работы земского персонала и чрезмерная перегруженность вынудили Валентина Феликсовича покинуть Ардатов.

В ноябре 1905 года семья Войно-Ясенецких переехала в село Верхний Любаж Фатежского уезда Курской губернии. Земская больница на 10 коек ещё не была достроена, и Валентин Феликсович принимал пациентов на выездах и на дому, и опять участвовал в земской работе. Молодой врач пользовался большим авторитетом, к нему обращались крестьяне всей Курской и соседней Орловской губернии.

В конце 1907 года Валентин Феликсович был переведён в Фатеж. Однако проработал там недолго: исправник-черносотенец добился его увольнения за отказ прекратить оказание помощи пациенту и явиться по его срочному вызову. Валентин

Феликсович одинаково относился ко всем людям, не различая их по положению и достатку. В докладах «наверх» он был объявлен «революционером». Семья переехала к родным Анны Васильевны в город Золотоноша.

Осенью 1908 года Валентин Феликсович уехал в Москву и поступил в экстернатуру при московской хирургической клинике известного профессора Дьяконова, основателя журнала "Хирургия". Стал писать докторскую диссертацию на тему регионарной анестезии. Занимался анатомической практикой в Институте топографической анатомии, директором которого был профессор Рейн, председатель Московского хирургического общества. Но ни Дьяконов, ни Рейн ничего не знали о регионарной анестезии. Валентин Феликсович разработал методику проверки, нашёл те нервные волокна, которые соединяли оперируемый участок тела с головным мозгом. Он прочёл более пятисот источников на французском и немецком языках, хотя французский он учил с нуля.

Валентин Феликсович, опираясь на опыт, стал считать свои методы проведения регионарной анестезии более предпочтительными, чем предложенные Г. Брауном. 3 марта 1909 на заседании хирургического общества в Москве Войно-Ясенецкий сделал свой первый научный доклад.

В начале 1909 года он подал прошение и был утверждён в должности главного врача больницы села Романовка, Балашовского уезда, Саратовской губернии. Семья прибыла туда в апреле 1909. Его врачебный участок по площади составлял около 580 квадратных вёрст, с населением до 31 тысячи человек. В 1910 г. Войно-Ясенецкий подал прошение на вакантное место главного врача больницы Переславль-Залесского Владимирской губернии, ближе к библиотекам Москвы. Там возглавил городскую, а вскоре и фабричную, и уездную больницы, а также военный госпиталь. Но там отсутствовала рентгеновская аппаратура, в фабричной больнице не было электричества, канализации и водопровода. На более чем 100-тысячное население уезда приходилось всего 150 больничных коек и 25 хирургических. Доставка больных могла длиться несколько суток.

В 1915 году издал в Петрограде книгу *"Регионарная анестезия"* с собственными иллюстрациями. На смену прежним способам слойного пропитывания анестезирующим раствором всего, что надо резать, пришла его новая, изящная и привлекательная методика местной анестезии. В 1916 году Валентин Феликсович защитил эту работу как диссертацию и получил степень доктора медицины. Однако книгу издали таким низким тиражом, что у автора не нашлось даже экземпляра для отправки в Варшавский университет, где он мог бы получить за неё премию - 900 рублей золотом. В Переяславле он задумал новый труд, которому сразу дал название – *"Очерки гнойной хирургии"*.

В это же время состояние здоровья Анны Васильевны – его супруги ухудшалось, весной 1916 г. Валентин Феликсович обнаружил у жены признаки туберкулёза лёгких. Узнав о конкурсе на должность главного врача Ташкентской городской больницы, немедленно подал заявку. Тогда считалось, что туберкулёз можно вылечить сухим и жарким климатом Средней Азии.

Войно-Ясенецкие прибыли в Ташкент в марте 1917 г. Эта больница была устроена намного лучше, чем земские, но и здесь было мало специалистов и слабое финансирование; отсутствовала система канализационных стоков и биологическая очистка сточных вод. Была опасность эпидемий чумы и холеры. Но сначала его удивило, как много больных с ожогами. Оказалось этому есть объяснение. У здешних людей были свои особенные болезни и травмы: например, на лечение одновременно приходило множество детей и взрослых с серьёзными ожогами стоп и голеней. Это происходило оттого, что местные жители использовали для обогрева своих жилищ горшок с горячими углями, на ночь его ставили в центр комнаты и ложились спать ногами к горшку. При чьём-либо неосторожном движении горшок опрокидывался.

Профессор Войно-Ясенецкий посещал воскресные и праздничные богослужения, был активным мирянином: "Я скоро узнал, что в Ташкенте существует церковное

братство, и пошел на одно из заседаний его. По одному из обсуждавшихся вопросов я выступил с довольно большой речью, которая произвела большое впечатление. Это впечатление перешло в радость, когда узнали, что я главный врач городской больницы"⁶. Настоятель привозкальской церкви протоиерей Михаил Андреев в воскресные дни по вечерам устраивал в храме встречи, на которых проводились беседы на темы Священного Писания и пелись духовные песни.

2. Арест и смерть жены. Дорога к Богу⁷.

С конца 1917 года в Ташкенте происходили уличные перестрелки, в больницы поступало много раненых. В январе 1919 произошло антибольшевистское восстание под руководством К. П. Осипова. После его подавления на горожан обрушились репрессии: в железнодорожных мастерских вершила революционный суд «тройка», обычно приговаривавшая к расстрелу. В больнице лежал тяжелораненый казачий есаул В. Т. Комарчев. Валентин Феликсович отказался выдавать его красным и тайно лечил, укрывая на своей квартире. Служитель морга Андрей донёс об этом в ЧК. Войно-Ясенецкий был арестован, но до рассмотрения дела их заметил один из известных деятелей Туркестанской ячейки РКП (б), который знал Валентина Феликсовича в лицо. Он расспросил их и отправил обратно в больницу.

Однако арест мужа нанёс здоровью Анны Васильевны серьёзный удар, болезнь резко усилилась, и в конце октября 1919 года *она скончалась*. Две ночи после кончины Валентин Феликсович читал над гробом Псалтырь. Смерть жены ненадолго выбила из колеи. Оставшись с четырьмя детьми, старшему из которых было 12, а младшему 6 лет, он просит помощи у Бога, и Тот посылает доброго помощника, ставшего второй матерью для детей, бездетную вдову, операционную сестру Софию Сергеевну Белецкую. Много домыслов и подозрений витало вокруг семейства, но в мыслях и отношении своем к Софии Сергеевне В. Ф. Войно-Ясенецкий был чист. Он трудится дни и ночи, пишет, молится.

Несмотря на всё, Валентин Феликсович вёл активную хирургическую практику и способствовал основанию в конце лета 1919 года Высшей Медицинской школы, где преподавал нормальную анатомию. В 1920 году был образован Туркестанский Государственный Университет. Декан Медицинского факультета добился его согласия возглавить кафедру оперативной хирургии.

Валентин Феликсович тяжело переживал кончину своей супруги. После этого, а говорят, у каждого своя дорога к Богу, его религиозные взгляды укрепились: "Неожиданно для всех, прежде, чем начать операцию, Войно-Ясенецкий перекрестился, перекрестил ассистента, операционную сестру и больного. В последнее время он это делал всегда, вне зависимости от национальности и вероисповедания пациента. Однажды после крестного знамения больной татарин сказал ему: "Я ведь мусульманин. Зачем же Вы меня крестите?" Последовал ответ: "Хоть религии разные, а Бог один. Под Богом все едины".

Профессор регулярно посещал воскресные и праздничные богослужения, был активным мирянином, сам выступал с беседами о толковании Священного писания. В конце 1920 года он присутствовал на епархиальном собрании, где произнёс речь о положении дел в Ташкентской епархии. Под впечатлением этого епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий предложил Валентину Феликсовичу стать священником, на что он сразу согласился. Уже через неделю был посвящён в чтеца, певца и иподиакона, затем в диакона, а 15 февраля 1921 года в иерея. И в больницу, и в университет отец Валентин стал приходить в рясе с крестом на груди, а в операционной установил иконы Божьей Матери и молился перед началом операции.

Однажды в ответ на приказ властей убрать из операционной икону главврач Войно-Ясенецкий ушел из больницы, сказав, что вернется только тогда, когда икону повесят на место. Конечно, ему отказали. Но вскоре после этого в больницу привезли больную жену партийного начальника, нуждавшуюся в срочной операции. Та заявила, что будет оперироваться только у Войно-Ясенецкого. Местным начальникам пришлось пойти на уступки: вернулся епископ Лука, а на следующий после операции день вернулась и изъятая икона.

Летом 1921 года в Ташкент были доставлены из Бухары раненые и обожжённые красноармейцы. За несколько суток пути в жаркой погоде у многих из них под повязками образовались колонии из личинок мух. Они были доставлены в конце рабочего дня, когда в больнице остался только дежурный врач. Он осмотрел нескольких больных, состояние которых вызывало опасение. Остальные были лишь подбинтованы. К утру между пациентами клиники ходил слух о том, что врачи-вредители гноят раненых бойцов, у которых раны кишат червями. Чрезвычайная следственная комиссия арестовала всех врачей, включая профессора П. П. Ситковского. Начался скорый революционный суд, на который были приглашены эксперты из других лечебных учреждений Ташкента, в том числе профессор Войно-Ясенецкий.

Стоявший во главе ташкентского ЧК латыш Я. Х. Петерс решил сделать суд показательным и сам выступал на нём общественным обвинителем. Когда слово получил профессор Войно-Ясенецкий, он решительно отверг доводы обвинения: "Никаких червей там не было. Там были личинки мух. Хирурги не боятся таких случаев и не торопятся очистить раны от личинок, так как давно замечено, что личинки действуют на заживление ран благотворно". Тогда Петерс спросил:

- Скажите, поп и профессор Ясенецкий-Войно, как это вы ночью молитесь, а днем людей режете?

Тот ответил:

- Я режу людей для их спасения, а во имя чего режете людей Вы, гражданин общественный обвинитель?

Следующий вопрос:

- Как это Вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве Вы его видели, своего Бога?

Ответ:

– Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель. Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил.

Обвинение провалилось благодаря порядочности и честной позиции этого врача. Вместо расстрела Ситковский и его коллеги были приговорены к 16 годам тюрьмы. Но уже через месяц их стали отпускать на работу в клинику, а через два - совсем освободили.

Весной 1923 года, когда съезд духовенства Ташкентской и Туркестанской епархии рассматривал отца Валентина в качестве кандидата на должность архиерея, под руководством ГПУ было сформировано Высшее Церковное Управление (ВЦУ), которое предписывало епархиям переходить к обновленческому движению, возникшему под влиянием революции Февраля 1917 года и в дальнейшем получившему поддержку Советской власти после Октябрьской революции. Под давлением ВЦУ епископ Иннокентий был вынужден уехать из Ташкента. Отец Валентин (Войно-Ясенецкий) и протоиерей Михаил Андреев взяли на себя управление епархиальными делами и сплотили вокруг себя священников - сторонников Патриарха Тихона. Вскоре он был пострижен в монахи в собственной спальне с именем Луки, и наречён епископом Барнаульским, викарием Томской епархии. Поскольку для присвоения епископского сана необходимо присутствие 2-3 епископов, Валентин Феликсович поехал в город Пенджикент недалеко от Самарканда, где отбывали ссылку (в стране начались преследования духовенства, которое выступало против декретов Советской власти, провозгласивших отделение церкви от государства) два архиерея. Хиротония – обряд рукоположения для посвящения

в сан с наречением архиерея Луки титулом епископа Барнаульского состоялась 31.05.1923 г.. Патриарх Тихон, когда узнал о ней, утвердил её законной. 3 июня, епископ Лука отслужил свою первую воскресную всенощную литургию в кафедральном соборе.

3. Арест и 1-я ссылка в Красноярский край.

На следующий день, 4 июня, в стенах Ташкентского Государственного Университета (ТГУ) состоялся студенческий митинг, на котором было принято постановление с требованием увольнения профессора Войно-Ясенецкого. Руководство университета отвергло это постановление и даже предложило Валентину Феликсовичу руководить ещё одной кафедрой. Но он сам написал заявление об уходе. 5 июня он в последний раз, уже в епископском облачении, присутствовал на заседании Ташкентского научного медицинского общества при ТГУ. 6 июня в газете «Туркестанская правда» появилась статья "Воровской архиепископ Лука", призывавшая к его аресту. Вечером 10 июня 1923 года, после Всенощного бдения, он был арестован.

Епископу Луке были предъявлены обвинения по ст. 63, 70, 73, 83, 123 УК. Ходатайства прихожан и больных об официальной выдаче профессора Войно-Ясенецкого были отклонены. Вот фрагмент допроса епископа Луки: *"Я тоже полагаю, что очень многое в программе коммунистов соответствует требованиям высшей справедливости и духу Евангелия. Я тоже полагаю, что власть рабочих есть самая лучшая и справедливая форма власти. Но я был бы подлым лжецом...если одобрил бы не только цели революции, но и революционный метод"*⁸.

В заключении были изложены следующие выводы следствия: невыполнение распоряжений местной власти, продолжение существования союза приходов, признанного местной властью незаконным, агитация в помощь международной буржуазии, распространение обращения Патриарха Сербии, Хорватии и Словенского королевства Лазаря, говорящего о насильственном свержении Патриарха Тихона и призывающее помянуть в Королевстве Сербии всех "пострадавших" и "принявших муки" контрреволюционеров; распространение ложных слухов и непроверенных сведений союзом приходов, дискредитирующих Советскую власть, внушение массам якобы неправильного осуждения Патриарха Тихона; возбуждение масс к сопротивлению постановлениям Советской власти рассылкой воззваний союзом приходов; присвоение незаконно существующему союзу приходов административных и публично правовых функций - назначение и смещение священников, административное управление церквями.

Учитывая политические соображения и недостаточность доказательств, слушание дела гласным порядком (в суде) было нежелательным, поэтому дело было передано не в Реввоен трибунал, а в комиссию ГПУ. Именно в Ташкентской тюрьме Валентин Феликсович закончил первый из "выпусков" давно задуманной монографии "Очерки гнойной хирургии".

9 июля 1923 года епископ Лука был освобожден под подписку о выезде, на следующий день в Москву в ГПУ. Прибыв в Москву, святитель зарегистрировался в НКВД на Лубянке, но ему объявили, что он может прийти через неделю. За эту неделю епископ Лука дважды бывал у Патриарха Тихона и один раз совершал богослужение вместе с ним.

После долгого следствия 24 октября 1923 года комиссия НКВД вынесла решение о высылке епископа в Нарымский край. 2 ноября Лука был переведён в Таганскую тюрьму, где находился пересыльный пункт. В конце ноября он отправился в свою первую ссылку, местом которой первоначально был назначен **Енисейск**.

В тюрьмах и ссылках **владыка Лука** не терял присутствия духа и находил в себе силы для юмора. Он рассказывал о заключении в Енисейской тюрьме, во время первой ссылки: «Ночью я подвергся такому нападению клопов, которого нельзя было

и представить себе. Я быстро заснул, но вскоре проснулся, зажег электрическую лампочку и увидел, что вся подушка и постель, и стены камеры покрыты почти сплошным слоем клопов. Я зажег свечу и начал поджигать клопов, которые стали падать на пол со стен и постели. Эффект этого поджигания был поразительным. Через час поджигания в камере не осталось ни одного клопа. Они, по-видимому, как-то сказали друг другу: «Спасайтесь, братцы! Здесь поджигают!» В последующие дни я больше не видел клопов, они все ушли в другие камеры»⁹.

Поездом ссыльный епископ добрался до Красноярска, далее 330 километров санного пути, останавливаясь ночью в какой-либо деревне. В одной из них он сделал операцию по удалению секвестра у больного остеомиелитом плечевой кости.

Прибыв в Енисейск 18 января 1924 г., а Епископа Луку сослали на Север трижды, но и там он продолжал работать по своей медицинской специальности, так вот, только прибыв по этапу в город Енисейск, будущий архиепископ пошел прямо в больницу¹⁰. Представился заведующему больницей, назвав свое монашеское и мирское (Валентин Феликсович) имя, должность, просил разрешения оперировать. Заведующий сперва даже принял его за сумасшедшего и, чтобы отделаться, схитрил: «У меня плохой инструмент — нечем делать». Однако хитрость не удалась: посмотрев инструментарий, профессор Войно-Ясенецкий, конечно, дал ему реальную — довольно высокую — оценку.

На ближайшие дни была назначена сложная операция... Едва начав ее, первым широким и стремительным движением Лука рассек скальпелем брюшную стенку больного. «Мясник! Зарежет больного», — промелькнуло в голове у заведующего, ассистировавшего хирургу. Лука заметил его волнение и сказал: «Не беспокойтесь, коллега, положитесь на меня». Операция прошла превосходно.

Позже заведующий признался, что испугался в тот раз, но впоследствии поверил в приемы нового хирурга. «Это не мои приемы, — возразил Лука, — а приемы хирургии. У меня же просто хорошо натренированные пальцы. Если мне дадут книгу и попросят прорезать скальпелем строго определенное количество страниц, я прорежу именно столько и ни одним листком больше». Ему тут же была принесена стопка папиросной бумаги. **Епископ Лука** ощупал ее плотность, остроту скальпеля и резанул. Пересчитали листочки — порезано было ровно пять, как и просили...

Валентин Феликсович стал вести приём, и желающие попасть на приём записывались за несколько месяцев вперёд. Помимо этого, епископ Лука стал совершать богослужения на дому, отказываясь служить в обновленческих церквях.

Рост популярности епископа вынудил ГПУ отправить его в новую ссылку в¹¹ **деревню Хая**, на 120 вёрст севернее **села Богучаны**. 5 июня посыльный ГПУ привёз приказ о возвращении в Енисейск. Там епископ несколько дней провёл в тюрьме в одиночной камере, а после продолжил частную практику и богослужения на квартире и в городском храме. 23 августа епископ Лука был отправлен в новую ссылку - в **Туруханск**. По прибытии епископа в Туруханск его встречала толпа людей, на коленях просившая благословения. Профессора вызвал председатель крайкома В. Я. Бабкин, который предложил сделку: сокращение срока ссылки за отказ от сана. Епископ Лука решительно отказался "бросать священную дурь". В Туруханской больнице, где Валентин Феликсович сначала был единственным врачом, он выполнял сложнейшие операции.

Единственная церковь в округе находилась в закрытом мужском монастыре, священник которой принадлежал к обновленческому движению. Епископ Лука регулярно ездил туда совершать богослужения и проповедовать о грехе церковного раскола, которые имели большой успех: все жители округа и монастырский священник стали сторонниками Патриарха Тихона.

В конце года на приём к Валентину Феликсовичу пришла женщина с больным ребёнком. На вопрос, как зовут ребёнка, ответила: "Атом", и объяснила удивлённому

---

⁹/5

¹⁰/12

¹¹/8

врачу, что имя новое, сами выдумали. На что он спросил: "Почему не назвали поленом или окном?" Эта женщина была женой председателя крайисполкома В. Бабкина, который написал заявление в ГПУ о необходимости повлиять на реакционера, распространяющего ложные слухи. И наложил резолюцию: "Секретно. Губуполномоченному - для сведения и принятия мер".

5 ноября 1924 года хирург был вызван в ГПУ, где с него взяли подписку о запрете богослужений, проповедей и выступлений на религиозную тему. Кроме того, Крайком и лично Бабкин требовали отказа епископа от традиции давать благословение пациентам. Это вынудило Валентина Феликсовича написать заявление об увольнении из больницы. Тогда за него вступился отдел здравоохранения Туруханского края. После 3 недель разбирательств 7 декабря 1924 года Енгуботдел ГПУ постановил вместо суда избрать мерою пресечения гр. Ясенецкого-Войно (официальные власти так писали его фамилию). высылку в **деревню Плахино** в низовьях реки Енисей, в **230 км за Полярным кругом**.

Последовало длительное путешествие по льду замёрзшего Енисея, в день 50-70 км. Однажды Валентин Феликсович замёрз так, что не смог самостоятельно передвигаться. Жители станка, состоящего из 3 изб и 2 земляных домов, радушно приняли ссыльного. Он жил в избе на нарах, покрытых оленьими шкурами. Каждый мужчина поставлял ему дрова, женщины готовили и стирали. В этих условиях епископ Лука крестил детей и пытался проповедовать. Это была самая жестокая и далекая ссылка епископа Луки «На Ледовитый океан!», как выразился в приступе гнева местный начальник. Владыку конвоировал молодой милиционер, который признался ему, что чувствует себя Малютой Скуратовым, везущим митрополита Филиппа в Отроч монастырь.

Милиционер не повез ссыльного на самый океан, а доставил в местечко Плахино, за 200 километров от Полярного круга. В глухом поселке стояло три избы, в одной из них и поселили владыку. Он вспоминал: «Вместо вторых рам были снаружи приморожены¹² плоские льдины. Щели в окнах не были ничем заклеены, а в наружном углу местами виден сквозь большую щель дневной свет. На полу в углу лежала куча снега. Вторая такая же куча, никогда не таявшая, лежала внутри избы у порога входной двери... Весь день и ночь я топил железную печку. Когда сидел тепло одетым за столом, то выше пояса было тепло, а ниже — холодно»...

Однажды в этом гиблом месте епископу Луке пришлось крестить двух детей совершенно необычным образом: «В станке кроме трех изб, было два человеческих жилища, одно из которых я принял за стог сена, а другое — за кучу навоза. Вот в этом последнем мне и пришлось крестить. У меня не было ничего: ни облачения, ни требника, и за неимением последнего я сам сочинил молитвы, а из полотенца сделал подобие епитрахили. Убогое человеческое жилище было так низко, что я мог стоять только согнувшись. Купелью служила деревянная кадка, а всё время совершения Таинства мне мешал теленок, вертевшийся возле купели»¹³...

В начале марта в Плахино прибыл уполномоченный ГПУ, который сообщил о возвращении епископа **в Туруханск**. Власти Туруханска сменили решение после того, как в больнице умер крестьянин, нуждающийся в сложной операции, которую без Войно-Ясенецкого сделать было некому. Крестьяне, вооружившись вилами, косами и топорами, стали громить сельсовет и ГПУ. Епископ Лука вернулся 7 апреля 1925 года, в день Благовещения, и сразу включился в работу. Уполномоченный ОГПУ был вынужден обращаться с ним вежливо и не обращать внимания на совершаемое благословение пациентов.

Научные идеи В. Ф. Войно-Ясенецкого распространяются в Советском Союзе и за рубежом. Имя его становится широко известным в мире.

Узнав о прошедшем 75-летнем юбилее великого физиолога, академика Ивана Петровича Павлова, ссыльный профессор посылает ему 28 августа 1925 года

---

¹²/8

¹³/6

поздравительную телеграмму. Сохранился полный текст ответной телеграммы Павлова Войно-Ясенецкому:

«Ваше преосвященство и дорогой товарищ! Глубоко тронут Вашим теплым приветствием и приношу за него сердечную благодарность. В тяжёлое время, полное неотступной скорби для думающих и чувствующих по-человечески, остаётся одна опора — исполнение по мере сил принятого на себя долга. Всей душой сочувствую Вам в Вашем мученичестве. Искренне преданный Вам Иван Павлов»¹⁴.

20 ноября 1925 года в Туруханск пришло постановление об освобождении гражданина Войно-Ясенецкого, которое ожидалось с июня. 4 декабря он, провожаемый всеми прихожанами Туруханска, отъехал в Красноярск, куда прибыл лишь в начале января 1926 года. Он успел сделать в городской больнице показательную операцию по возвращению зрения путём удаления части радужной оболочки. Из Красноярска отправился поездом в Черкассы, где жили родители и брат Владимир, а потом приехал в Ташкент.

4. Арест и 2-я ссылка в Северный край.

Сталин в 1928 г., начиная коллективизацию, сетовал на то, что духовенство не было с корнем ликвидировано и отравляло души масс. В Ташкенте был разрушен кафедральный собор, осталась только церковь Сергия Радонежского, в которой служили священники-обновленцы. Протоиерей Михаил Андреев требовал от епископа Луки освятить этот храм.

После отказа от этого Андреев доложил обо всём Сергию, митрополиту Московскому и Коломенскому, который стал пытаться перевести Луку то в Рыльск, то в Елец, то в Ижевск. По совету ссыльного митрополита Новгородского Арсения Лука подал прошение об увольнении на покой, которое было удовлетворено. Профессор Войно-Ясенецкий не был восстановлен на работу ни в городскую больницу, ни в университет.

Валентин Феликсович занялся частной практикой. По воскресным и праздничным дням служил в церкви, а дома принимал больных, число которых достигало четырёхсот в месяц. Тогда же он отправил на рецензирование в государственное медицинское издательство экземпляр законченной монографии "Очерки гнойной хирургии". Через год она была возвращена с одобрительными отзывами и рекомендацией к публикации с незначительной доработкой.

5 августа 1929 года покончил с собой профессор-физиолог Среднеазиатского (бывшего Ташкентского) университета И. П. Михайловский. Его жена обратилась к профессору Войно-Ясенецкому с просьбой провести похороны по христианским канонам (для самоубийц это возможно только в случае сумасшествия); Валентин Феликсович подтвердил его сумасшествие медицинским заключением.

Во второй половине 1929 года ОГПУ было сформировано уголовное дело: убийство Михайловского якобы было совершено его «суеверной» женой, имевшей сговор с Войно-Ясенецким, чтобы не допустить "выдающегося открытия, подрывающего основы мировых религий". 6 мая 1930 епископ Лука был арестован. Обвинялся по статьям 10-14 и 186 п.1 УК УзССР. Его держат в переполненной камере, затем переводят в тюремную больницу по состоянию здоровья, оттуда он пишет руководителям ОГПУ, потом председателю СНК А.И. Рыкову ходатайства с просьбами выслать его в сельскую местность Средней Азии, а затем с просьбой выслать из страны. В качестве аргументов приводит скорую возможность публикации "Очерков гнойной хирургии", которые пошли бы на пользу советской науки, предлагает основать клинику гнойной хирургии. Валентин Феликсович объяснял свой арест ошибками местных чекистов.

Не получив ответа на письменное обращение, объявляет голодовку. "Нам выгоднее сразу отделаться от Вас, чем постоянно возиться с Вами", - звучат слова тюремщиков. 15

мая 1931 г. дело было рассмотрено в НКВД и принято внесудебное решение выслать Валентина Феликсовича в Северный край сроком на три года. Обвинительное заключение святитель не признал. И всё же Войно-Ясенецкому была передана рукопись, которую он заканчивал в тюрьме, как и начинал.

Во второй половине августа 1931 года он прибыл в Северный край. Со второй половины августа 1931 года Войно-Ясенецкий отбывал заключение в концлагере (ИТЛ) "Макариха" возле города Котлас¹⁵, в котором целыми семьями жили "раскулаченные" многих губерний. ГУЛАГ как особая карательно-репрессивная система распространился по всей территории Советского Союза. Однако размещение гулаговских образований на территории страны было неравномерным. Степень концентрации структур ГУЛАГа значительно возрастала по мере удаления от центра и особо насыщенными спецконтингентом оказались периферийные регионы страны, что обуславливалось как политико-репрессивными, так и экономическими факторами. К числу таких регионов следует отнести Европейский Север России, в том числе Котлас с прилегавшими к нему территориями.

Удобное географическое расположение г. Котласа, являвшегося важным транспортным узлом, предопределило использование города в 1930-е годы, как одной из важных перевалочных баз ГУЛАГа, через которую шли потоки спецпереселенцев и лагерных заключенных, направляемых в северные районы региона. Таким образом, традиция использования окраинных территорий страны для принудительного размещения наказанных властью людей, зародившись в досоветской России, получила невиданный размах в сталинские времена, когда, для достижения политических и социально-экономических целей, разные социальные категории людей и целые народы депортировались в периферийные регионы СССР, ставших таким образом базовыми районами в пространстве «Архипелага ГУЛАГ». Одним из таких островков «Архипелага» являлся Котлас, где функционировали гулаговские образования различного типа и назначения.

Сначала Котласский пересыльно-перевалочный пункт¹⁶ входил в состав образованного в июне 1929 г. Управления Северных лагерей ОГПУ особого назначения (УСЕВЛОН). Какое-то время в г. Котласе, а также в г.Сольвычегодске, дислоцировалось управление лагеря. Заключенные использовались на строительстве железной дороги Пинюг-Усть-Сысольск (ныне г. Сыктывкар), лесоразработках и других работах. УСЕВЛОН просуществовало недолго – в июне 1931 г. оно было закрыто. На его базе были организованы другие исправительно-трудовые лагеря, в том числе Усть-Вымский ИТЛ, в состав которого вошел Котласский пересыльный пункт, осуществлявший переброску грузов и переправку этапов заключенных в северные лагеря.

В марте 1932 г., одновременно с реорганизацией Усть-Вымского лагеря, Котласский пересыльный пункт перешел в непосредственное подчинение ГУЛАГа. Однако уже в июле 1932 г. до мая 1938 г.находился в состав Ухтинско-Печорского ИТЛ.

Котласская пересылка (Котласский пересыльно-перевалочный пункт), которая, по определению А.И. Солженицына, была «напряженной и откровенной многих (других пересылок...напряженнее потому, что она открывала путь на весь европейский русский Северо-Восток, откровеннее потому, что это было уже глубоко в Архипелаге, и не перед кем хорониться».

В Котласе основная часть прибывших спецпереселенцев временно размещалась в местечке Макариха¹⁷: «Сотни две барак, крытых соломой и землей, раскинулись недалеко от железной дороги среди жалкого сосняка. В лагере уже поселены десятки тысяч людей всех возрастов, и каждый день прибывают все новые и новые эшелоны. В каждом бараке ютится двести с лишним душ. Теснота ужасная: днем толкотня в проходе между нарами, ночью люди лежат на нарах вплотную друг к другу, как сельди в бочке,

---

¹⁵/4

¹⁶/7

¹⁷/2

многим на нарах не хватает места, и они сидят на земляном полу. Три железные печи не в состоянии отопить, как следует, этих бараков тем более, что сильный недостаток топлива. Люди кутаются в одежды, с крыши на головы им постоянно сыплется песок, недостаток белья и теплой одежды, стирать не в чем; людей заедают паразиты. Пища скверная, сухари приходят к концу, у многих уже не хватает хлеба. Варят на дворе в мороз и ветер. Днем, когда пригревает солнце и начинает оттаивать вокруг лагеря, поднимается смрад от скопившихся нечистот. Единственный колодезь не может снабдить водой весь лагерь, для этого используется ручей, вода в котором порой бывает так загрязнена, что чай, сваренный из нее, отдает мылом и грязным бельем. На кладбище каждый день хоронят по несколько человек. Люди, не привыкшие к здешнему климату, многие совсем плохо одеты, часто простуживаются, болеют. Уже начинаются заболевания заразными болезнями – тифом и дифтеритом, от последнего были уже смертные случаи. К весне все это грозит эпидемией».

Затем на правах ссыльного он был переведён в Котлас, позднее — в Архангельск. Там он испытывал большие затруднения с жильем, врачи больницы и епископ Архангельский встретили его недружелюбно. В 1932 году поселился у В. М. Вальнёвой, потомственной знахарки. Вёл амбулаторный приём, консультировал местных врачей — оперировать ему запрещалось. Молился владыка дома, т.к. были закрыты и разграблены все храмы города, религия была "побеждена". Его вызывали в Москву, где особый уполномоченный коллегии ГПУ предлагал хирургическую кафедру в обмен за отказ от священнического служения; архиепископ Лука ответил, что сан епископа никогда не снимет, хотя состоит на покое и при нынешних условиях не считает возможным продолжить служение. *"При нынешних условиях я не считаю возможным продолжать служение, однако сана я никогда не сниму"*, - заявил он. После такого заявления вместо освобождения владыке прибавили еще полгода к ссылке.

Любовь Петровна Стуканцева - одна из старейших прихожанок Ильинского¹⁸ кафедрального собора. В 1931 году её, совсем маленькую, крестил святитель Лука (Войно-Ясенецкий), отбывавший ссылку в Архангельске. Любовь Петровна считает, что благословение святого пребывает с ней всю жизнь. Моя семья приехала в Архангельск в 1929 году и поселилась на Белой горе. Бабушка каждый день с утра уходила в Ильинский храм и возвращалась поздно вечером. В 1931 году епископ Лука (Войно-Ясенецкий) как доктор вел амбулаторный прием в поликлинике на ЛДК им. Ленина. После святитель приходил в Ильинский храм, но богослужения не совершал, поскольку делать этого ему не разрешали. Моя бабушка Анна Ивановна была его ровесницей, и за два года ссылки епископа Луки они духовно сблизились, часто общались. По семейному преданию, бабушка была тайной монахиней. Моему братцу Мишеньке в то время не было и шести лет. Он страдал сильными головными болями. И вот бабушка с мамой, взяв Мишеньку, отправились к святителю Луке. Пришли, а он им говорит: «Не плачьте, не тоскуйте, Господь его в течение недели возьмет к себе». На пятый день Мишеньки не стало. Святитель предвидел это. Про историю с Мишенькой и про то, что меня крестил святитель Лука, мне рассказали тетушки. По отцу и маме их было восемь, и все прислуживали при Ильинском храме. Вот одна из тетушек подойдет, бывало, и скажет: «Любушка, ты долго проживешь, тебя ведь доктор крестил». А я раньше думала, как же доктор может крестить? Ведь крестят батюшки. Спустя много-много лет, когда икону с мощами святого Луки (Войно-Ясенецкого) принесли в Ильинский храм, я, приложившись к ней, вдруг поняла: так ведь это доктор и есть...»

После окончания ссылки, в ноябре 1933 г., Валентин Феликсович ездил в Москву, в канцелярию митрополита Сергия. Секретарь канцелярии предложил занять какую-либо архиерейскую кафедру, но он отказался, потому что надеялся основать НИИ гнойной хирургии, но Войно-Ясенецкий получил отказ наркома здравоохранения Фёдорова. К осени 1934 г. Войно-Ясенецкий сумел добиться публикации "Очерков гнойной

хирургии", вновь заявил о себе как крупный ученый-хирург, т.к. монография приобрела мировую известность.

Поехал в Феодосию, затем в Архангельск, оттуда в Андижан, а потом вернулся в Ташкент и снова переезжает в Андижан, где оперирует, читает лекции, руководит отделением Института неотложной помощи. Здесь он заболевает лихорадкой паппатачи, грозящей потерей зрения, осложнение дало отслойку сетчатки левого глаза. Две операции на левом глазу не помогли, он ослеп на один глаз.

Осенью 1934 года издал свои "Очерки гнойной хирургии", которые приобрели мировую известность. Однажды на Памире во время альпинистского похода заболел бывший личный секретарь В. И. Ленина Н. Горбунов. Состояние его оказалось крайне тяжелым, что вызывало всеобщее смятение. Из Москвы о его здоровье лично запрашивал В. М. Молотов. Для его спасения в Сталинабад был вызван доктор Войно-Ясенецкий. После успешной операции Валентину Феликсовичу было предложено возглавить Сталинабадский НИИ. Он отказался. Профессора стали приглашать на консультации, разрешили читать лекции для врачей.

5. Арест и 3-я ссылка в Красноярский край¹⁹..

24 июля 1937 года он был арестован в третий раз. В вину епископу вменялось создание "контрреволюционной церковно-монашеской организации", проповедовавшей следующие идеи: недовольство советской властью и проводимой политикой, контрреволюционные взгляды о внутреннем и внешнем положении СССР, клеветнические взгляды о компартии и вожде народов, пораженческие взгляды в отношении СССР в предстоящей войне с Германией, указывание на скорое падение СССР (ст.ст. 66 ч. 1, 64 и 60 УК УзССР).

Следствие получило признания в контрреволюционной деятельности проходивших по тому же делу ряда епископов о существовании контрреволюционной организации и планов по созданию сети контрреволюционных групп при церковных общинах, а также о вредительской деятельности Войно-Ясенецкого — убийствах пациентов на операционном столе, и шпионаже в пользу иностранных государств.

«В самое трудное время, — писал владыка, — я очень ясно, почти реально ощущал, что рядом со мной Сам Господь Бог Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня»²⁰. Однако было время, когда он и роптал на Бога: слишком долго не кончалась тяжелая северная ссылка... А во время этого третьего ареста, в июле 1937 года, епископ доходил почти до отчаяния от мучений. К нему применили жесточайшую пытку — 13-дневный «допрос конвейером». Во время этого допроса сменяются следователи, арестанта же днем и ночью держат практически без сна и отдыха. Епископа Луку били сапогами, сажали в карцер, содержали в ужасающих условиях... Несмотря на длительные допросы методом "конвейера"- 13 суток без сна, Лука отказывался признаваться в членстве в контрреволюционной организации и называть имена "заговорщиков". Вместо этого он объявил голодовку, продлившуюся 18 суток.

Трижды он объявлял голодовку, пытаясь таким образом протестовать против незаконных властей, против нелепых и оскорбительных обвинений. Однажды он даже предпринял попытку перерезать себе крупную артерию — не с целью самоубийства, а чтобы попасть в тюремную больницу и получить хоть какую-то передышку. Изможденный, он падал в обморок прямо в коридоре, терял ориентацию во времени и пространстве...

В начале 1938 года так ни в чём не признавшийся епископ Лука был переведён в центральную областную тюрьму Ташкента. Уголовное дело в отношении группы священников было возвращено из Москвы на доследование, и материалы в отношении

¹⁹/8

²⁰/11

Войно-Ясенецкого были выделены в отдельное уголовное производство. Летом 1938 были вызваны бывшие коллеги профессора Войно-Ясенецкого, которые сообщили о его контрреволюционной деятельности. 29 марта 1939 года Лука, ознакомившись со своим делом и не найдя там большинства своих показаний, написал дополнение, приложенное к делу, где о его политических взглядах сообщалось:

"Я всегда был прогрессистом, очень далёким не только от черносотенства и монархизма, но и от консерватизма; к фашизму отношусь особенно отрицательно. Чистые идеи коммунизма и социализма, близкие к Евангельскому учению, мне были всегда родственными и дорогими; но методов революционного действия я, как христианин, никогда не разделял, а революция ужаснула меня жестокостью этих методов. Однако я давно примирился с нею, и мне весьма дороги её колоссальные достижения; особенно это относится к огромному подъёму науки и здравоохранения, к мирной внешней политике Советской власти и к мощи Красной Армии, охранительницы мира. Из всех систем государственного устройства Советский строй я считаю, без всякого сомнения, совершеннейшим и справедливым. Активным же контрреволюционером я никогда не был"²¹."

Унижения, сырые камеры, бессонные ночи, допросы конвейером, не умаляют его любви к ближнему: однажды подаренный им полуголому, дрожащему от холода шпанёнку" тулупчик, спасает во время арестов и ссылок владыку от неизбежных издевательств уголовников на этапах: вежливо они приветствуют его, называя батюшкой"²². Любой вор и бандит, как убедился Владыка, чувствует и ценит простое человеческое отношение.

Ввиду расстрела основных свидетелей, дело рассматривалось на Особом совещании НКВД СССР. Приговор пришёл только в феврале 1940 года: 5 лет ссылки в Красноярский край.

С марта 1940 года работал хирургом в ссылке в районной больнице в **Большой Мурге**, что в 120 километрах к северу от Красноярска. Осенью 1940 года ему разрешили выехать в Томск, где он в городской библиотеке изучал новейшую литературу по гнойной хирургии, в том числе на немецком, французском и английском языках. На основании этого было закончено второе издание "Очерков гнойной хирургии".

В начале Великой Отечественной войны отправил телеграмму Михаилу Калинин: *"Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий... являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука"*.

Телеграмму в Москву не передали, а в соответствии с существующими распоряжениями направили в крайком. С октября 1941 года профессор Войно-Ясенецкий стал консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. Благодаря его блистательным операциям тысячи солдат и офицеров вернулись в строй. После 10-11 часов в операционной он шел домой и молился, ибо в городе с многотысячным населением не было ни одного действующего храма.

Жил архиерей в сырой холодной комнате и постоянно голодал, т.к. на²³ госпитальной кухне профессора начали кормить лишь с весны 1942 года, а отоваривать карточки ему было некогда. Благо, санитарки тайком оставляли ему кашу. Коллеги вспоминали, что смотрели на него как на Бога: «Он многому научил нас. Остеомиелиты, кроме него, никто оперировать не мог. А гнойных ведь было – тьма! Он учил и на операциях, и на своих отличных лекциях».

Приезжавший инспектор всех эвакогоспиталей профессор Н.Н. Приоров отмечал, что нигде он не видел таких блестящих результатов лечения инфекционных ранений суставов, как у владыки Луки. Его отметили грамотой и благодарностью Военного совета

---

²¹/8

²²/6

²³/9

Сибирского военного округа. «Почет мне большой, – писал он в то время, – когда вхожу в большие собрания служащих или командиров, все встают». «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня, – писал профессор, у которого остались светлые и радостные воспоминания о тех военных годах. – Когда я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них... неизменно салютовали мне высоко поднятыми ногами».

Он работал по 8-9, а то и по 10-11 часов, делая 3-4 и более операции в день, что в его возрасте приводило к неврастении.

Каждое утро он молился в пригородном лесу, т.к. в Красноярске в это время не осталось ни одной церкви. 27 декабря 1942 года епископу Луке, "не отрывая его от работы в военных госпиталях", было поручено управление Красноярской епархией с титулом архиепископа Красноярского. На этом посту он сумел добиться восстановления одной маленькой церкви в пригородной деревне Николаевка, расположенной в 5 километрах от Красноярска

Летом 1943 года впервые получил разрешение выехать в Москву, участвовал в Поместном Соборе, который избрал патриархом митрополита Сергия (Страгородского); также стал постоянным членом Священного Синода. Однако вскоре он отказался участвовать в деятельности Синода, т.к. путь до Москвы продолжался около 2-х недель. Шла война, нужно было быть постоянно в госпитале, делать операции раненым. Но вскоре он стал просить о переводе в Европейскую часть СССР, мотивируя это ухудшающимся здоровьем в условиях сибирского климата. Местная администрация не хотела его отпускать, пыталась улучшить его условия — поселила в лучшую квартиру, доставляла новейшую медицинскую литературу, в том числе на иностранных языках. Тем не менее, он в начале 1944 года получил телеграмму о переводе **в Тамбов**.

"В Красноярском крае святитель-хирург находился в ссылке дважды²⁴ – в начале 1920-х годов и на рубеже 1930-1940 годов,- пишет Ирина Ахундова.- Из Красноярска владыка писал сыну: «Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу». Как уроженка Красноярска я с гордостью узнала из книги В.А. Лисичкина «Военный путь святителя Луки (Войно-Ясенецкого)», что именно в моем родном городе епископ Лука стал архиепископом Красноярским и постоянным членом Священного Синода. 5 марта 1943 года он пишет сыну очень светлое письмо: «Господь послал мне несказанную радость. После 16-ти лет мучительной тоски по церкви и молчания отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска, а я назначен архиепископом Красноярским...». «Священный Синод при Местоблюстителе Патриаршего престола митрополите Сергии приравнял мое лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и возвел меня в сан архиепископа». Думаю, это уникальный случай в истории РПЦ.

Когда он покидал красноярскую кафедру, моей маме было 5 лет, но бабушка, работавшая в Красноярске почтальоном, не могла не слышать о владыке-хирурге, сосланном в Красноярский край (в село Большая Мурта). Я родилась в Красноярске уже после смерти святителя Луки. Уезжая после окончания школы из родного города, я понятия не имела ни о Боге, ни о том, был ли на тот момент открыт хотя бы один храм. Помню лишь возвышающуюся над городом часовенку, которую можно видеть на десятирублевых банкнотах.

Рада, что 15 ноября 2002 года мои земляки установили в центре Красноярска бронзовый памятник, изображающий архиепископа Луку с молитвенно сложенными руками. Это третий по счету памятник после Тамбова и Симферополя. Но к нему могут прийти лишь красноярцы или гости города. А вот к другому «Святителю Луке» – «поезду здоровья» с вагоном-храмом за врачебной и духовной помощью приходят жители Красноярского края и Хакасии.

Как же ждут люди эту поликлинику на колесах, гордо носящую имя одного из самых выдающихся деятелей русской медицины и Русской Православной Церкви! Церкви,

²⁴/12

представителей которой советская власть десятилетиями уничтожала, расстреливая, ссылая в лагеря, сажая в тюрьмы. Но далеко не всех обитателей сталинских лагерей эта же власть потом награждала высочайшими государственными наградами". Мне эта оценка очень помогла разобраться в отношении моём к этому человеку.

6. Заслуженное признание

С 1943 года "Журнал Московской Патриархии" печатал его статьи, в основном общественно-политического содержания. В частности, в статье "Праведный суд народа" он выступил сторонником смертной казни "обер-фюрера орды палачей и его ближайших сообщников-нацистов"²⁵.

В феврале 1944 года Военный госпиталь переехал в Тамбов, и Лука возглавил Тамбовскую кафедру. 4 мая 1944 года во время беседы в Совете по делам РПЦ при СНК СССР Патриарха Сергия с председателем Совета Карповым, Патриарх поднял вопрос о возможности его перемещения на Тульскую епархию из-за болезни архиепископа Луки (малярия); в свою очередь, Карпов "ознакомил Сергия с рядом неправильных притязаний со стороны архиепископа Луки, неправильных его действий и выпадов". В служебной записке наркому здравоохранения РСФСР Андрею Третьякову от 10 мая 1944 года Карпов, указывал на ряд допущенных архиепископом Лукой поступков, "нарушающих законы СССР, и посоветовал наркому сделать нареkania Войно-Ясенецкому.

Кафедральным храмом архиепископа Луки стала открытая за полгода до его приезда в Тамбов городская Покровская церковь, а вся епархия в 1944 году насчитывала три действующих храма; церковь практически не была обеспечена предметами богослужения: иконы и иные церковные принадлежности были принесены прихожанами. Архиепископ Лука стал активно проповедовать, проповеди, всего 77, они записывались и распространялись. Открытия бывшего кафедрального Спасо-Преображенского собора добиться не удалось; тем не менее, к 1 января 1946 года было открыто 24 прихода, создан архиерейский хор, многочисленные произведения прихожан в священники.

Под руководством архиепископа Луки за несколько месяцев 1944 года для нужд фронта было перечислено более 250 тыс. рублей на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского и авиаэскадрильи имени Александра Невского. В общей же сложности за неполные два года было перечислено около миллиона рублей.

В феврале 1945 года Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий – архиепископ Лука - был награждён патриархом Алексием I правом ношения на клобуке бриллиантового креста. В декабре 1945 года за помощь Родине архиепископ Лука был награждён медалью **«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»**.

Получив медаль, архиепископ произнёс ответную речь, от которой у партработников волосы встали дыбом: «Я вернул жизнь и здоровье сотням, а может, и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей вине». Председатель облисполкома стал было говорить, мол, надо забыть прошлое и жить настоящим и будущим, на что владыка Лука ответил: «Ну нет уж, извините, не забуду никогда!»

В начале 1946 года постановлением СНК СССР с формулировкой "За научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений, изложенных в научных трудах "Очерки гнойной хирургии", законченном в 1943 году и "Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов", опубликованном в 1944 году", профессору Войно-Ясенецкому была

присуждена Сталинская премия первой степени в размере 200 000 рублей, из которых 130 тысяч рублей он передал на помощь детским домам.

Как человек, **святитель Лука** был строг и требователен. Он нередко запрещал в служении неподобающе ведущих себя священников, лишал некоторых сана, строго запрещал крестить детей с неверующими восприемниками (крестными), не терпел формального отношения к служению и подхалимства перед властями. «Вредный Лука!» - воскликнул как-то уполномоченный, узнав, что тот лишил сана очередного священника (за двоеженство).

Но архиепископ умел и признавать свои ошибки... Сослуживший ему в Тамбове протодиакон отец Василий рассказывал такую историю²⁶: в храме был пожилой прихожанин, кассир Иван Михайлович Фомин, он читал на клиросе Часы. Читал плохо, неверно произносил слова. Архиепископу Луке (тогда возглавлявшему Тамбовскую кафедру) приходилось постоянно его поправлять. В один из дней, после службы, когда владыка Лука в пятый или шестой раз объяснял упрямому чтецу, как произносятся некоторые церковнославянские выражения, произошла неприятность: эмоционально размахивая богослужебной книгой, Войно-Ясенецкий задел Фомина, а тот объявил, что архиерей ударил его, и демонстративно перестал посещать храм... Через короткое время глава Тамбовской епархии, надев крест и панагию (знак архиерейского достоинства), через весь город отправился к старику просить прощения. Но обиженный чтец... не принял архиепископа! Спустя время владыка Лука пришел снова. Но Фомин не принял его и во второй раз! «Простил» он Луку лишь за несколько дней до отъезда архиепископа из Тамбова.

Указом Патриарха от 5 апреля 1946 года **переведён в Симферополь**. Отношения с местным начальством не сложились: после приезда архиепископ не явился лично уполномоченному по делам РПЦ Жданову, что вызвало разногласия между ними.

Он продолжал публиковать статьи, выступая за проводимый СССР внешнеполитический курс. В статье *"К миру призвал нас Господь"* (1948 г.) выступил с резким осуждением политики США и католического духовенства, с безоговорочной поддержкой политики властей СССР в отношении Церкви: *Поджигатели войны, смертельно испуганные призраком коммунизма, всякого не по-фашистски мыслящего причисляют к коммунистам. Вся масса католического духовенства стала на сторону поджигателей войны и явно сочувствует фашизму. "Мы, русское духовенство, живём в полном мире с нашим Правительством, и у нас невозможно благословение священников на участие в контрреволюционных или террористических бандах. У нас нет никаких поводов к вражде против Правительства, ибо оно предоставило полную свободу Церкви и не вмешивается в её внутренние дела", - писал он.*

В начале 1947 года он стал консультантом Симферопольского военного госпиталя, где проводил показательные оперативные вмешательства. В 1949 году начал работу над вторым изданием "Регионарной анестезии", которое не было закончено, а также над третьим изданием "Очерков гнойной хирургии", которое было дополнено профессором В. И. Колёсовым и издано в 1955 г. Профессор и священник - автор 34 научных трудов, 11 томов духовных произведений, проповедей, которые оставил после себя Владыка Лука, избранный в 1954 году почетным членом Московской духовной академии – его творческое наследие.

Как-то в 1927 году епископ Лука совершил ошибку, о которой впоследствии очень сильно жалел. Он попросил об увольнении на покой и, пренебрегая пастырскими обязанностями, стал заниматься почти исключительно медициной — он мечтал основать клинику гнойной хирургии. Епископ даже стал носить гражданскую одежду и в Министерстве здравоохранения получил должность консультанта при андижанской больнице... С этих пор жизнь его разладилась. Он переезжал с места на место, операции бывали неудачными, епископ Лука признавался: он чувствует, что его оставила Божья благодать...

---

²⁶/10

Однажды ему приснился невероятный сон²⁷: «Мне снилось, что я в маленькой пустой церкви, в которой ярко освещен только алтарь. В церкви неподалеку от алтаря у стены стоит рака какого-то преподобного, закрытая тяжелой деревянной крышкой. В алтаре на престоле положена широкая доска, и на ней лежит голый человеческий труп. По бокам и позади престола стоят студенты и врачи и курят папиросы, а я читаю им лекции по анатомии на трупе. Вдруг я вздрагиваю от тяжелого стука и, обернувшись, вижу, что упала крышка с раки преподобного, он сел в гробу и, повернувшись, смотрит на меня с неммым укором... Я с ужасом проснулся...»

Впоследствии епископ, а позже архиепископ Лука учёл этот случай и совмещал церковное служение с работой в больницах. В конце жизни был назначен в Крымскую епархию и делал все, чтобы в тяжелейшую хрущевскую эпоху не угасла церковная жизнь.

В 1955 году он ослеп полностью, что вынудило его оставить практическую хирургию. С 1957 года профессор диктует мемуары. В постсоветское время вышла автобиографическая книга *"Я полюбил страдание..."*.

Пятнадцать последних лет жизни архиепископа Луки (с 1946 по 1961) прошли в Симферополе, где, занимая архиерейскую кафедру, он не оставляет научную и практическую деятельность врача вплоть до того момента, пока перенесенная в 20-е годы болезнь не привела его к полной слепоте. Там в голодные послевоенные годы на кухне архиерея всегда готов, пусть немудреный, обед для нескольких человек: «На обед приходило много голодных детей, одиноких старых женщин, бедняков, лишенных средств существования. Я каждый день варила большой котел, и его выгребали до дна. Вечером дядя спрашивал: «Сколько сегодня было за столом? Ты всех накормила? Всем хватило?» (Из воспоминаний В.Прозоровской, племянницы Архиепископа Луки). Владыка консультирует приезжающих издалека больных, ставя диагноз, устраивая на лечение и операцию...

Но слепота не стала помехой в служении Церкви и в оказании помощи людям²⁸. Даже став в 1942 году архиепископом, святитель Лука питался и одевался очень просто, ходил в заплатанной старой рясе и всякий раз, когда племянница предлагала ему сшить новую, говорил: «Латай, латай, Вера, бедных много». Софья Сергеевна Белецкая, воспитательница детей владыки, писала его дочери: «К сожалению, папа опять одет очень плохо: парусиновая старая ряса и очень старый, из дешевой материи подрясник. И то, и другое пришлось стирать для поездки к Патриарху. Здесь все высшее духовенство прекрасно одето: дорогие красивые рясы и подрясники прекрасно сшиты, а папа... хуже всех, просто обидно...»

Архиепископ Лука всю жизнь был чуток к чужим бедам. Большую часть своей Сталинской премии он пожертвовал на детей, пострадавших от последствий войны; устраивал обеды для бедных; ежемесячно рассылал денежную помощь гонимым священнослужителям, лишенным возможности зарабатывать на хлеб. Однажды он увидел на ступеньках больницы девочку-подростка с маленьким мальчиком. Выяснилось, что их отец умер, а мать надолго положили в больницу. Владыка повел детей к себе домой, нанял женщину, которая приглядывала за ними, пока не выздоровела их мать. «Главное в жизни — делать добро. Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое», — говорил Лука.

При совершении богослужений, находящиеся в храме не подозревали, что служит слепой епископ. А Бог в его немощи дал ему новую благодатную силу для лечения болезней.

11 января 1957 года избран почётным членом Московской духовной академии. Умер 11 июня 1961 года в воскресенье, в День всех святых.

Власти сделали все, чтобы похороны не стали «церковной пропагандой»²⁹: подготовили к публикации большую антирелигиозную статью; запретили пешую

---

²⁷/1

²⁸/6

²⁹/10

процессию от собора до кладбища, сами подогнали автобусы для провожающих владыку и велели ехать по окраине города. Но случилось непредвиденное. Никто из прихожан не сел в приготовленные автобусы. На дышащего злобой и угрозами уполномоченного по делам религии никто не обращал внимания. Когда катафалк с гробом двинулся прямо на верующих, регент собора, Анна, крикнула: «Люди, не бойтесь! Он нас не задавит, они не пойдут на это — хватайтесь за борт!» Люди тесным кольцом обступили машину, и она смогла тронуться только с очень небольшой скоростью, так что получилась пешая процессия. Перед поворотом на окраинные улицы женщины легли на дорогу, так что машине пришлось ехать через центр. Центральная улица наполнилась народом, движение прекратилось, пешая процессия продолжалась три часа, люди всю дорогу пели «Святой Боже». На все угрозы и уговоры функционеров отвечали: «Мы хороним нашего архиепископа»...

На надгробии была высечена надпись: *"Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. 18 (27).IV.77 -19 (11).VI.61. Доктор медицины, профессор хирургии, лауреат"*.

Войно-Ясенецкий был похоронен на Первом Симферопольском кладбище, канонизирован, то есть причислен к лику святых, его мощи перенесены в Свято-Троицкий Собор. Прежняя могила святого Луки также почитаема верующими.

Все дети профессора пошли по его стопам и стали медиками: Михаил и Валентин стали докторами медицинских наук; Алексей — доктором биологических наук; Елена — врачом-эпидемиологом. Внуки и правнуки тоже стали учёными, Войно-Ясенецкая Ольга Валентиновна явилась создателем Одесского областного патологоанатомического бюро ООПАБ, Войно-Ясенецкий Алексей Михайлович стал профессором, доктором медицинских наук, урологом, директором центра урологии.

Постановлением Генеральной Прокуратуры РФ от 12 апреля 2000 года в соответствии с законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» гражданин Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович полностью реабилитирован.

III. Не хлебом единым (Ветхий Завет)

«Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое».

(Из проповедей Луки)

Работая над историей жизни этого выдающегося человека, я невольно думал о своём жизненном выборе. Это такая целеустремлённая цельная личность! Размышляя о выборе будущей профессии, я много сомневаюсь, на чём остановиться. Вроде прямо о сомнениях и неловко признаваться. Но вот вижу, как нелегко было сделать выбор в юности В.Ф. Войно-Ясенецкому: то художник, то врач, то анатомия с химией, то юриспруденция? Попробовал всё, пока не понял свою сущность. А вот быть священнослужителем не собирался, но стал им.

И ещё наука, это надо ж иметь такую тягу к получению результата, он и опыты проводит, и книги читает, в том числе и иностранные, ведёт дневниковые записи, и практикует, практикует, практикует на протяжении почти всей жизни, преодолевая многочисленные препятствия научной работе.

А каков характер! Не опускает руки ни при каких обстоятельствах: ни смерть любимой жены, ни неурядицы жизни, ни недруги, ни аресты, ни ссылки — ничего его не останавливало, ради науки, ради людей!!!

"Я полюбил страдание..." — именно так можно выразить итоги поисков Валентином Феликсовичем Войно-Ясенецким своего места на земле, поисков своего призвания, его дорогу к храму. Я не читал эту его книгу, но, думаю, эта книга — об итоге поисков им самого себя. А он был не лишён и ошибок, как любой человек, и делал всё, чтобы их исправлять и замаливать.

Поразителен его переход к духовному. На первый взгляд толчком стала смерть жены. Но если вспомнить его искания, то становится ясно: этому способствовала вся его жизнь, начиная с детства. Он ссылается на религиозность отца, но именно мать —

православная христианка – заложила в него искорку веры в Бога, сильного, милосердного, всевидящего и помогающего обездоленным.

Мятущаяся юная натура хотела служить людям, помогать тем, кто в этом нуждается. Его уход в толстовство – близость к народу, стремление жить их жизнью, как и писатель, это тоже поиск своего места в жизни. Но разочаровался он в писателе, видимо, не приняв, не поняв его уход в религию, и его теорию "непротивления злу насилия".

И вдруг Валентин Феликсович, будучи уже сформировавшейся личностью, опытным врачом, от практики шагнувшим к науке, уже завладевшей им, ставшей его страстью, целью его жизни, вдруг уход в религию, в веру православную, которая останется с ним навсегда. Во врачебном деле он достиг вершин, приобретя не только мировую известность, но и звания: доктор наук, профессор. В церкви – архиепископ, советуется с самим патриархом Московским Тихоном, его преданный поклонник.

Но я не могу обойти и то, что привнесло в его жизнь страдания, лишения и страшные испытания – отношение с государством, властью и их представителями. Говорят, что в науке не бывает лёгких путей. Эту мысль доказывал Валентин Феликсович на протяжении всей своей жизни. Его жизнь - это пример служения обществу и простому человеку. Но это ещё и борьба. Именно борьба за право быть человеком, борьба с правом сильного распоряжаться умами, поступками и делами человека. При этом он никогда не уронил своего достоинства, не слухавил ни разу, никого не предал, не боялся ни разу сказать правду в глаза любому начальнику, хоть это и шло во вред ему.

Известно, как ломали человеку его судьбу, и делали покорным в годы репрессий. Как уничтожали непокорных. Как фальсифицировали расстрельные дела. Говорят, что закон карает не за слово, а за дело. Ни разу никому не навредил Войно-Ясенецкий, он только помогал людям и лечил их тела и души. Ни одно дело, заведённое на него, не было доказательным, его ломали, но он выстоял! Почему ж ему, четырежды арестовываемому, трижды побывавшему в ссылках, присудили Сталинскую премию, самую престижную в те годы в нашей стране? Почему наградили медалью *"За доблестный труд в годы ВОВ 1941-1945 гг."*?

Греха за ним не было, был самоотверженный труд хирурга и учёного. Именно мировое признание и высокое качество его операций, его практические и научные познания в области хирургии, невероятная любовь людей и даже поклонение ему, как святому человеку, примирили власть с его глубокой религиозностью, с его высоким саном, которым архиепископ Лука очень дорожил. Даже соглашался не служить, но сана не сложил.

Его взгляды по отношению к Советской власти менялись от неприятия отдельных его сторон, до признания. Долгое время он считал, что буржуазное общество в таких странах, как США, Англия, Франция, то есть, на Западе, более совершенное, более демократическое. Советский строй критиковал, особенно репрессии против церкви, это наблюдается уже в 1923 году, в разгар борьбы с обновленчеством в церкви православной. Здесь он на стороне традиционной церкви и патриаршества, отсюда и гонения на него.

Однако он – настоящий сын своего народа и горячий патриот своего Отечества в годину военную. Находясь в ссылке, он, спасая раненых, заработал неврастению, но продолжал оперировать по 8-9 часов к ряду. Примечательно, что в Красноярской ссылке, он находил силы в молитве, уходя в пригородный Красноярский лес. Где это было, я вглядываюсь в тёмные дали, виднеющиеся за окном моего дома, и представляю, может, это было в этих местах? Я не знаю, с какими просьбами он обращался к Богу, могу лишь догадываться. Но после молитв он снова оперировал, оперировал, оперировал...

Сыну Михаилу он писал: "... В служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера... Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять. ... если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его".

И хотя идёт вечный спор и противопоставление науки и религии, об их несовместимости, я хочу внести свою лепту в этот спор. Наука – это разум, религия – это душа, подпитывающая его силой, стойкостью и целеустремлённостью. А значит, эти противоположности могут сосуществовать, дополняя друг друга. Плодотворная, кипучая практическая, научная и духовная жизнь Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого этому подтверждение. Не хлебом единым жив человек, тело без души – тлен.

Какие качества его личности я назову самыми яркими? Милосердие, сострадание, духовность, патриотизм, любовь к человеку, независимо от званий и уровня жизни. И самопожертвование, даже больной, слепнувший, и ослепший, он думал не о себе, а о том, как бы больше успеть передать людям из своего опыта. Это ли ни пример для юношества, "обдумывающего, делать жизнь с кого"? Получил медаль за труд, а достоин самых высоких орденов. Как дань признания и, думаю, извинения, Советской власти перед этим чудо-человеком и врачом от Бога – Сталинская премия!

Жизненный путь этого человека, верующего врача, помогает понять: он был лучше нас. Многие люди видя в нём недостижимую для нас святость, тем не менее запросто обращаются к нему, как посреднику, ходатаю перед Богом, с просьбой освятить нашу жизнь, наши дела: «Святителю отче Луко, моли Бога за нас»³⁰.

А в заключение моего размышления о человеке-легенде я хочу поделиться ещё одной мыслью. Я перевернул много афоризмов и крылатых выражений о науке и религии, в основном все имеют или оттенок юмора, или гомерический хохот, если так можно сказать, или резко негативное отрицание религии, сравнение, конечно, не в пользу религии – "опиума для народа". Нашёл только вот эту мысль Дж.П.Мунсона: "*Христианство - это, если можно так сказать, та атмосфера, в которой наука совершает лучшую часть своего труда*"³¹. Размышляю: это в сторону их сближения или отрицания общности? Скорее всего - второе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) и его служение до 1943 г. [история Церкви] Ирина Гаврилина.

2. Баракы для заключённых не подходили даже для скота ...
vecherniy-kotlas.ru/.../1170013891-baraki-dlya-zaklyuchyonnykh-ne-po...

³⁰/11

³¹/8

- 3.Благословение на всю жизнь :: Архангельская и ...
www.arh-eparhia.ru/publications/index.php?ELEMENT_ID=39998
- 4.ГУЛАГ в истории Котласа. *Упадышев Н.В.*, ГУЛАГ в истории Котласа | Северное трёхречье severnoe-trehrechie.ru/гулаг-в-истории-котласа/
- 5.Епископ Лука. Ташкент, тюрьма НКВД. 1937 год. Фотография с сайта fond.ru
- 6.Житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа ...
sv-luka.orthodoxy.ru/live.php
- 7.Котласский перпункт - Виртуальный музей Гулага
www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=7101174&language=1
- 8.Лука (Войно-Ясенецкий) — Википедия
[ru.wikipedia.org/wiki/Лука_\(Войно-Ясенецкий\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Лука_(Войно-Ясенецкий))
- 9.ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ) - Древо. drevo-info.ru/articles/4137.html
- 10.Памяти жертв политических репрессий - О методике работы по увековечению памяти жертв политических репрессий Автор: Ирина Дубровина (Котлас), Cogita!ru www.cogita.ru/.../o-metodike-raboty-po-uvekovecheniyu-pamyati-zhert...
- 11.Святитель ЛУКА (Войно-Ясенецкий) — Профессор, врач, архиепископ.
foma.ru/sviatitel-luka-professor-vrach-arhiepiskop.html
- 12.Святитель Лука (Войно-Ясенецкий): «Раненые салютовали мне... ногами». Ирина Ахундова. 18 марта 2013 г. <http://www.pravmir.ru/svyatitel-luka-vojno-yaseneckij-ranenyue-salyutovali-mne-nogami/#ixzz3SeIoftNd>

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого**

Из мирской жизни профессора, доктора наук Войно-Ясенецкого

Рис. 4. Портрет Анны, жены Валентина Ясенецкого

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (2-е фото около 1910 года). и его жена Анна Васильевна Ланская

Анна Васильевна и Валентин Феликсович с детьми

Хирург В. Ф. Войно–Ясенецкий (слева) проводит операцию в земской больнице.

С медперсоналом больницы. Хирургические инструменты. и очки профессора

Хирург от Бога.

Диплом лауреата Сталинской премии

За работой.

Духовная жизнь архиепископа Луки

Епископ Лука. 1923 год.

В.Ф.Войно-Ясенецкий участвовал в Поместном Соборе в Москве, который избрал его постоянным членом Священного Синода.

В окружении паствы.

Период репрессий

Фотографии из следственных дел: 1.Епископ Лука. Ташкент, тюрьма НКВД. 1937 год. 2. Лука. Ташкент, тюрьма НКВД. 1939 год. Фотографии с сайта fond.ru

В ссылке в Красноярский край.
За полярным кругом.

В ссылке. Село Б.Мурта, Красноярского
края, 1941г.

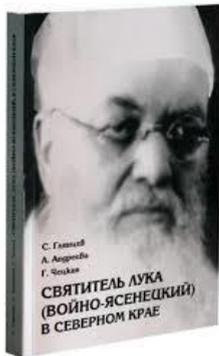

И слепой, он проповедал.

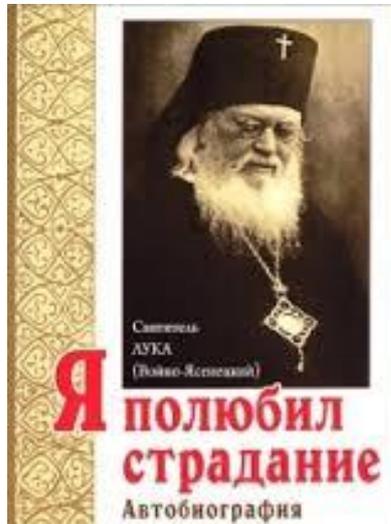

Похороны В.Ф.Войно-Ясенецкого – святого Луки
в Симферополе.

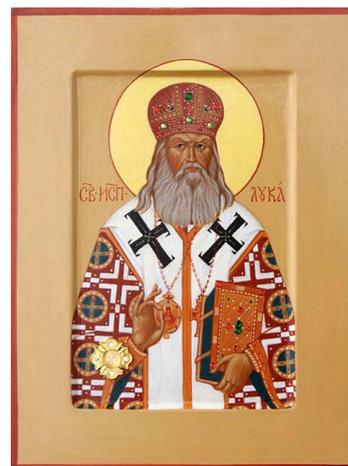
Сохранение памяти.

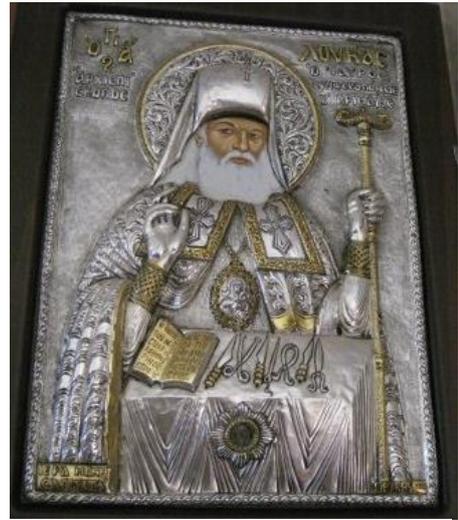
В.Ф.Войно-Ясенецким навсегда в памяти народа

Свт. Лука (Войно-Ясенецкий), икона

Святитель Лука Крымский

На многих иконах, особенно греческих, святитель Лука изображен с хирургическими инструментами.

Источник: <http://www.pravmir.ru/svyatitel-luka-vojno-yaseneckij-ranenye-salyutovali-mne-nogami/#ixzz3SdpmQ82>

Благословение на всю жизнь. Любовь Петровна Стуканцева - одна из старейших прихожанок Ильинского кафедрального собора. 15.01.2014. Она помнит своего крестителя – архиепископа Луку и говорит, что он ей помогает всю её жизнь, даже после его смерти.